

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Степанова Алена Николаевна

**ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
И МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕСТАНДАРТНЫХ ЭМОЦИЙ
В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор
Бабенко Людмила Григорьевна

Официальные оппоненты: **Киосе Мария Ивановна**, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры общего и сравнительного языкознания;

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, доцент, ФГУБН Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва), ведущий научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии;

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (г. Челябинск), директор ЦДО «Лингвистический центр».

Защита состоится «09» апреля 2025 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.12.27 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=6936>

Автореферат разослан «__» марта 2025 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Ю. В. Богоявленская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению репрезентации эмоций, основанной на парадоксальности, в поэтической речи конца XX – начала XXI века в структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном аспектах. Исследование выполнено в русле Уральской семантической школы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что парадоксальность как явление рассматривается в аспекте современных подходов к изучению языка, что обеспечивает полипарадигмальность работы. Парадоксальные высказывания с эмотивной семантикой, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), анализируются с позиций структурно-семантического подхода, а также с когнитивно-дискурсивной точки зрения. Обращение к когнитивно-дискурсивному аспекту изучения парадоксальности обусловлено антропоцентрической направленностью современной лингвистики, в частности обращенностью к процессам, происходящим в сознании человека и находящим отображение в том числе в поэтических текстах. Парадокс с этой точки зрения является интересным явлением, поскольку он представляет собой результат интерпретации сознанием окружающего мира и его отображения в языке.

В настоящее время в лингвистике активно разрабатывается когнитивное направление, которое на современном этапе развития науки о языке может считаться одним из ведущих. Некоторые явления языка и речи, к анализу которых мы обращаемся в данной работе, такие как метафора, которая «вышла из ведения риторики, где она изначально бытовала как один из тропов, перешагнула за границы лингвостилистики <...> и переместилась в достаточно комплексную лабораторию» [Телия, 1988, с. 5], достаточно подробно исследованы в рамках когнитивного подхода (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, М. Джонсон, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, Э. Маккормак, М. В. Никитин, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, А. П. Чудинов).

Парадокс, являющийся предметом изучения различных дисциплин, в том числе и науки о языке, в лингвистике преимущественно рассматривается со стилистической точки зрения, то есть как художественный прием [см., например: Берсенева, 2009; Гиоева, 2012; Курбайтаева, 2015; Овсянников, 1961; Пигаркина, 2017; Семен, 1986; Шпекторова, 1975]; в подобных исследованиях обычно анализируется роль парадокса в художественном тексте или выявляются типы парадоксов в произведениях конкретного автора. В то же время парадокс недостаточно изучен с точки зрения когнитивного подхода к анализу языка. Хотя в последние годы в ряде статей и диссертаций парадокс и парадоксальность рассматриваются в когнитивном аспекте [Заботина 2010; 2011;

Ляпон, 2001; Плясунова, 2011; Тармаева, 2014а; 2014б; Темянникова, 1998], данные исследования в основном касаются частных вопросов либо частных разновидностей парадокса, тогда как единая теория парадоксальности как явления когнитивного плана на данный момент не разработана.

Появляющийся в современной лингвистике интерес к парадоксу во многом обусловлен его специфическими когнитивными признаками. Парадокс в когнитивном аспекте интересен тем, что в нем отражается преодоление противоречия в процессе познания чего-либо. Специфика парадокса заключается в том, что он, с одной стороны, является результатом мыслительной деятельности автора, с другой – побуждает к ней читателя. Так, по словам М. В. Ляпон, «парадокс обладает двойной смысловой энергией: он одновременно и продукт мысли, и сильнодействующее средство, способное инициировать мысль» [Ляпон, 2001, с. 91].

Парадокс как проявление нестандартного течения мысли обладает особой значимостью для изучения внутренних психических процессов. По словам Е. Д. Смирновой, «парадоксы играют роль того окошка в доменной печи, которое позволяет заглянуть в скрытую от обычного взгляда лабораторию познавательной деятельности» [Смирнова, 1993, с. 152]. Действительно, интерпретация парадоксального высказывания предполагает воссоздание оригинальной логики, основанной на противоречии, которой придерживался его автор. В то же время и сам парадокс представляет собой результат интерпретации окружающего мира, передавая индивидуальное знание о чем-либо, поскольку, по замечанию В. Шмида, он отражает не столько реально существующее противоречие, сколько результат субъективного взгляда его автора на мир [см. об этом: Шмид, 2001, с. 11].

Таким образом, когнитивный подход к парадоксу предполагает его рассмотрение как способа выражения и передачи нового знания. Поскольку материалом данного исследования выступают высказывания с эмотивной семантикой, это новое знание оказывается связано с миром внутренних переживаний человека. Парадоксальность же в таком случае может быть рассмотрена как особая когнитивная стратегия, направленная на получение, обработку и передачу нового знания о мире человеческих эмоций, которое не может быть выражено в непротиворечивой форме.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили исследования в рамках таких направлений, как:

– когнитивная лингвистика (Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, Т. В. Булыгина, В. З. Демьянков, А. А. Залевская, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, Р. М. Фрумкина, Ж. Фоконье, А. Д. Шмелев и др.);

– теория дискурса, в первую очередь – работы, затрагивающие проблемы художественного дискурса, а также вопрос о соотношении текста и дискурса (Н. Ф. Алефиренко, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, В. В. Фещенко, В. И. Тюпа и др.);

– теория текста (В. Г. Адмони, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, М. И. Киосе, Ю. М. Лотман, Л. Н. Мурзин, Т. Б. Радбиль, И. В. Ружицкий, О. А. Турбина, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский и др.);

– теоретические проблемы семантики (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, М. А. Кронгауз, И. А. Мельчук, М. В. Никитин, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.);

– лингвистическая теория эмоций (Л. Г. Бабенко, Я. А. Волкова, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, С. В. Ионова, В. И. Карасик, О. Д. Тарасова, В. И. Шаховский и др.).

Цель исследования – изучение парадоксальности как когнитивной стратегии и особого механизма, направленного на познание сложных, внутренне противоречивых явлений.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучить взгляды современных лингвистов на парадоксальность и возможные подходы к ее изучению, обосновав представление о парадоксе и парадоксальности как о явлениях когнитивного плана.

2. Выявить в текстах, представленных в поэтическом корпусе НКРЯ, парадоксальные сочетания, включающие лексику, номинирующую эмоции.

3. Проанализировать обнаруженные парадоксальные высказывания со структурно-семантической точки зрения и выявить основные модели парадоксальных сочетаний эмотивной лексики, характерные для поэтической речи.

4. Выявить статистические закономерности парадоксальной репрезентации эмоций в поэтической речи конца XX – начала XXI века.

5. Выявить когнитивные стратегии и механизмы парадоксальной репрезентации эмоций, характерные для поэтической речи конца XX – начала XXI века.

6. Выделить наиболее распространенные метафорические модели, встречающиеся в парадоксальных сочетаниях эмотивной лексики.

7. Проанализировать парадоксальные высказывания с когнитивной точки зрения, рассмотрев их в аспекте действия механизма ментальной интеграции.

Объектом исследования являются парадоксальные сочетания лексем с эмотивной семантикой в поэтической речи.

Предмет исследования составляет парадокс как явление когнитивно-дискурсивного плана, обнаруживающееся на уровне нестандартной внешней и внутренней синтагматики в поэтической речи.

Исследование проводится на **материале** поэтических текстов, созданных в конце XX – начале XXI века, которые включают в себя лексику с эмотивной семантикой. Выбор временных рамок связан с предположением, что для современной поэзии, во многом ориентированной на эксперимент, на нестандартное использование языковых единиц, парадоксальная репрезентация эмоций окажется достаточно характерной. Обращение к изучению сочетаний с эмотивной лексикой обусловлено актуальностью проблемы вербальной репрезентации эмоций, которая, по словам В. И. Шаховского, «...является в современной лингвистике тем исследовательским фокусом, где перекрещивается ряд ее парадигм: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и др.» [Шаховский, 2008, с. 24].

Источником материала является поэтический корпус русского языка [НКРЯ, электр. источник]. Подбор материала осуществлялся на основе семантического поиска в Поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Был задан подкорпус, включающий поэтические тексты, созданные с 1975 по 2024 гг. (с точным вхождением), в котором представлены стихотворения поэтов указанного периода, относящихся к разным направлениям и течениям: М. Айзенберга, Б. Ахмадулиной, Н. Горбаневской, С. Кековой, Б. Кенжеева, Б. Рыжего, Г. Сапгира, Д. Самойлова, О. Седаковой и др. Общий объем подкорпуса составил 14 750 текстов и 1 598 095 слов. Поисковые запросы основывались на имеющейся в корпусе семантической разметке (Семантика – Непредметные имена – Таксономия – Психическая сфера – Эмоция); результат поиска составил 5663 текста, в которых было обнаружено 10 397 случаев употребления эмотивов-номинативов. Всего в ходе исследования было выявлено и проанализировано 507 парадоксальных высказываний, содержащих лексику, номинирующую эмоции.

Методология исследования. В работе используется комплекс методов, включающий в себя как общенаучные методы, так и собственно лингвистические. В исследовании применяются такие общенаучные методы и приемы, как методы анализа, синтеза и описательный метод. Среди собственно лингвистических методов следует отметить методы лингвистического анализа текста, применявшиеся для интерпретации материала – фрагментов поэтических текстов; контекстологический анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, элементы компонентного анализа, которые использовались для обнаружения скрытых семантических противоречий. Также в работе применялись элементы

лингвостатистического метода, позволившего выявить частотность использования различных эмотивов в парадоксальных сочетаниях, а также частотность различных механизмов парадоксальной репрезентации эмоций.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что парадоксальные сочетания эмотивной лексики обладают когнитивным потенциалом, являясь способом выражения знания, в том числе индивидуального, о мире внутренних переживаний человека. Особенно характерны подобные высказывания для поэтической речи, что позволяет считать их дискурсивной характеристикой поэтического дискурса.

Научная новизна исследования обусловлена, во-первых, выбором материала, ранее не являвшимся предметом научного изучения, что определяется тройным фокусом исследования: теория парадокса, эмоции, поэтическая речь. Во-вторых, новизна связана с опытом принципиально нового подхода к парадоксу и парадоксальности. В отличие от традиционного подхода к данному явлению, парадокс и парадоксальность рассматриваются не как объект изучения стилистики, а как явления когнитивно-дискурсивного плана. Парадоксальность в исследовании рассматривается как особая когнитивная стратегия, позволяющая получать и передавать знание, выраженное в противоречивой форме и соответствующее внутренне противоречивому явлению – например, комплексной эмоции, являющейся результатом интеграции оппозитивных переживаний. Парадокс, в свою очередь, понимается как частный лексико-семантический механизм реализации данной стратегии и представляет собой особый формат репрезентации внутренне противоречивого знания.

Теоретическая значимость исследования обусловлена рассмотрением механизма концептуальной интеграции как возможной основы парадоксального высказывания. Так, появление парадоксального противоречия в поэтическом тексте связано с механизмом ментальной интеграции в том случае, если результатом соединения двух и более эмоций, так или иначе противопоставленных друг другу, оказывается переживание комплексного характера. В работе осуществляется моделирование парадоксальных высказываний, представленных в поэтических текстах, в частности предложена типология моделей совмещения противоположных эмоций. Выделены механизмы парадоксальной репрезентации эмоций, обнаруживающиеся в поэтической речи. Кроме того, уточнено понятие «парадокс» применительно к материалу диссертации.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов и результатов исследования при разработке курсов по теории текста, когнитивной лингвистике, лингвистической семантике,

а также курсов, связанных с лингвистическим изучением эмоций (в частности, лингвопсихологии).

Достоверность результатов исследования обеспечивается, с одной стороны, объемом материала, составляющего 507 парадоксальных высказываний с эмотивной семантикой. С другой стороны, она достигается тем, что исследование осуществлялось с опорой на научные труды по когнитивной лингвистике, теории дискурса, лингвистической семантике, теории текста, лингвистической теории эмоций. Общий объем изученной литературы составляет 199 источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Парадоксальность как когнитивно-дискурсивная стратегия репрезентации нестандартных эмоций распространена в поэтических текстах, принадлежащих разным авторам, относящимся к различным направлениям. Относительно высокая частотность таких контекстов (около 5% от общего количества контекстов, включающих эмотивы-номинативы) позволяет заключить, что парадоксальность высказываний с эмотивной семантикой может рассматриваться как дискурсивная характеристика поэтической речи.

2. Парадоксальность обнаруживается на различных уровнях – от слова до целого текста, хотя наиболее частотны парадоксы на уровне словосочетания и предложения. Парадоксальные высказывания, содержащие лексику, номинирующую эмоции, характеризуются низкой степенью предсказуемости, а их маркером может быть присутствие в тексте нескольких эмотивов, наличие антонимов, лексем с семантикой совместности, а также оценочной лексики, противительных союзов и т. д.

3. Базовые и комплексные эмоции представлены в парадоксальных высказываниях не симметрично. Комплексные эмоции, совмещающие в себе целый ряд переживаний (такие как ревность, зависть, злорадство и др.), реже получают парадоксальное переосмысление, поскольку они изначально обладают сложной внутренней структурой. Базовые эмоции, такие как радость, счастье, печаль, любовь, в большей степени способны включаться в сочетания парадоксального характера, так как в поэтической речи они могут приобретать индивидуальные смыслы, которые находят отражение в их парадоксальной репрезентации, а также интегрироваться в переживание комплексного характера.

4. С точки зрения оценочного знака эмоции представлены в парадоксальных высказываниях симметрично: положительные и отрицательные эмоции одинаково часто получают в поэтической речи парадоксальное переосмысление, хотя последние при этом более разнообразны. Наиболее часто в парадоксальных высказываниях встречается такая эмоция, как

любовь, что объясняется ее противоречивостью, тем, что она может быть источником как положительных, так и отрицательных эмоций.

5. Обнаружены различные механизмы парадоксальной репрезентации эмоций. Наиболее частотным механизмом оказывается парадоксальная характеристика эмоции, заключающаяся в приписывании ей нехарактерного признака, в том числе метафорического. На втором месте по распространенности находится совмещение противоположных эмоций, которые может проявляться в их интеграции в комплексное, внутренне противоречивое переживание. Совмещение эмоций реализуется с помощью ряда моделей, среди которых наиболее распространенными являются субстантивно-конъюнктивная, генитивная и адъективная конструкции. Более редким случаем парадоксальной репрезентации эмоций является метафоризация. В случае обращения к этому механизму обычно используются стандартные метафорические модели («вещество – эмоция», «живое существо – эмоция», «предмет – эмоция» и др.), но реализация этих моделей при этом оказывается парадоксальной.

6. Внутренняя структура парадоксального высказывания может быть основана на механизме ментальной интеграции. В основе парадокса могут лежать как ментальные слияния противоположных эмоций, находящихся в оппозиции друг к другу, но при этом создающих общее эмотивное пространство (*темно-синей смеси любви и горя* (Б. Кенжеев); *в тоске веселой* (И. Жданов); *нежная злоба* (Н. Горбаневская); *равнодушие отчаянья* (Н. Коржавин) и др.), так и интеграция эмотивных и неэмотивных смыслов, наиболее явно обнаруживающаяся в метафорах.

7. Парадоксальные высказывания с эмотивной семантикой, обнаруживающиеся в поэтической речи, не только выполняют стилистическую задачу, но и оказываются значимыми с когнитивной точки зрения как способ выражения и передачи новых знаний о мире эмоций. Такое знание нередко носит индивидуальный характер и может быть связано с нестандартной интерпретацией эмоции, с установлением отношений тождества между оппозитивными эмоциями или с изображением внутренне противоречивого переживания комплексного характера. В связи с этим можно говорить о парадоксальности как об особой когнитивной стратегии, направленной на получение и передачу знания о внутренне сложных, противоречивых явлениях.

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования обсуждались на XXVII и XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2020 и 2021 гг.), на IV международном молодежном Конвенте «Гуманитарное знание и искусственный интеллект:

стратегии и инновации» (УрФУ, 2020), на Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (НГТУ, 2020 и 2021), на Всероссийской научной конференции молодых ученых «Язык. Культура. Личность» (Самара, 2020), на Первом международном форуме молодых русистов «Terra Rusistica» (Псков, 2020), на Всероссийской научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (УрГПУ, 2021), на VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 2022), на III Казанском международном лингвистическом саммите (Казань, 2022), на III международной конференции молодых исследователей «Русский язык в евразийском культурном пространстве» (Сургут, 2023), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (Тамбов, 2023), на Всероссийской научной конференции «Теоретическая семантика и практическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 2023).

По итогам исследования опубликованы 11 работ, 3 из которых – в изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Структура и содержание диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав – одной теоретической и двух исследовательского характера, – заключения и списка цитируемой и используемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** описываются основные параметры исследования: обосновывается его актуальность, устанавливаются объект и предмет, определяются цель и задачи, методология, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«ПАРАДОКС И ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ»** носит теоретический характер и состоит из четырех параграфов. Поскольку понятие парадокса является центральным для исследования, значительная часть главы посвящена изучению и обзору становления данного понятия, а также основным подходам к его анализу в различных дисциплинах гуманитарного цикла, прежде всего в философии, литературоведении и лингвистике.

Параграф 1.1. **«Понятие парадокса в гуманитарных науках»** посвящен анализу понятия «парадокс» и его различным интерпретациям в рамках различных философских подходов. Кратко прослеживается динамика отношения к данному понятию на протяжении всей истории его изучения –

от античной философии, где он считался ошибкой в рассуждении (например, у Аристотеля), до современной, где парадоксальное противоречие рассматривается как указание на возможность получения нового знания. Так, в «Логике смысла» Ж. Делеза парадокс понимается как языковая сущность, позволяющая выйти к новому смыслу: «Однако, именно здесь происходит дарование смысла – в области, предшествующей всякому здравому смыслу и всякому общезначимому смыслу. Ибо здесь, в муках парадокса, язык достигает своей наивысшей мощи» [Делез, 1998, с. 113]. Также рассматриваются особенности изучения парадокса в иных дисциплинах гуманитарного цикла, в частности в эстетике и литературоведении.

В параграфе 1.2. **«Парадокс в лингвистике: основные подходы и проблемы»** рассматриваются взгляды современной науки о языке на такое явление, как парадокс, и предпринимается попытка рассмотреть его в когнитивно-дискурсивном ключе.

В подпараграфе 1.2.1. **«Традиционные взгляды на парадокс»** рассматриваются основные вопросы, которые решаются при лингвистическом изучении парадокса, и выделяются основные подходы к нему, среди которых можно назвать стилистический [Ганеев, 2001; Пигаркина, 2017; Семен, 1986; Шпекторова, 1975], когнитивный [Заботина, 2010; 2011; Япон, 2001; Плясунова, 2011; Тармаева, 2014а; 2014б; Темянникова, 1998] и игровой [Бутакова, 2015; Гридина, 2011, 2012; Санников, 2002]. Отмечается, что наиболее устоявшимся подходом к парадоксу является стилистический, в соответствии с которым «парадокс является определенной словесной композицией и как фигура речи используется в различных функциональных стилях, несет в себе большой заряд стилистической информации, является одним из эффективных средств воздействия на читателя» [Семен, 1986, электр. ресурс].

Подпараграф 1.2.2. **«Когнитивный подход к парадоксу и парадоксальности в современной лингвистике»** посвящен рассмотрению парадокса как способа получения нового знания и в то же время его репрезентации. Развитие этого подхода к парадоксу связано, с одной стороны, с активным развитием когнитивной лингвистики в целом, с другой – с особенностями самого парадокса, который может пониматься как отражение особенностей человеческого мышления, поскольку, «как показывают последние исследования в социальной психологии, человеческое сознание, его внутренний, ментальный мир имеют черты парадоксальности» [Заботина, с. 34]. Также в данном параграфе рассматривается теория ментальной интеграции Ж. Фоконье [Fauconnier, 1998] с точки зрения ее применимости к анализу парадоксальных высказываний.

В рамках параграфа 1.3. **«Поэтические высказывания с эмотивной семантикой в аспекте парадоксальности»** рассматриваются характеристики лексики эмоций и особенности поэтической речи, побудившие нас выбрать в качестве материала исследования парадоксальные высказывания с эмотивной семантикой, обнаруживающиеся в поэтическом корпусе НКРЯ.

Подпараграф 1.4.1. **«Противоречивость и аномальность поэтической речи как источник парадоксальных высказываний»** посвящен некоторым особенностям поэтической речи, таким как противоречивость и аномальность [см. об этом: Апресян, 1995; Арутюнова, 1990; Радбиль, 2012]. Отмечается, что поэтическая речь, отличающаяся особой структурой и организацией, парадоксальная уже потому, что она, по сравнению с обычной, имеет больше ограничений и в то же время обладает большей свободой нарушать их, представляет собой неисчерпаемый источник парадоксов. Особый, аномальный язык поэзии позволяет передавать особое знание, что невозможно осуществить с помощью нормативных языковых средств. Так, Т. В. Радбиль говорит «о необычайной эвристичности концептуальных аномалий, которые оказываются не “болезнью языка”, а единственно возможным и даже необходимым средством языковой концептуализации нетривиального, диалектически противоречивого и многослойного содержания» [Радбиль, 2007, с. 264].

Подпараграф 1.4.2. **«Лексика эмоций и ее потенциальная парадоксальность»** представляет собой краткий обзор подходов к лингвистическому изучению эмоций, представленных в работах Л. Г. Бабенко, В. З. Демьянкова, С. В. Ионовой, В. И. Карасика, О. Д. Тарасовой, В. И. Шаховского. Поскольку «исходные эмотивные смыслы пронизаны антонимическими связями и фактически обозначают крайние полюса одного чувства» [Бабенко, 1989, с. 28], противопоставленность эмоций с точки зрения оценочного знака рассматриваются как потенциальный источник парадоксальности поэтического текста.

Вторая и третья главы диссертации носят аналитический характер.

Вторая глава **«ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСНОВЫ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ»** посвящена анализу парадоксальных сочетаний, обнаруживающихся в поэтической речи, со структурно-семантической точки зрения. Данная глава включает в себя 4 параграфа.

В параграфе 2.1. **«Обзор материала исследования и модель работы с ним»** описываются особенности отбора материала и его объем, а также алгоритм, на основании которого велась работа с материалом. Рассматриваются

проблемы, связанные с отбором материала (в частности необходимость различения лексико-семантических вариантов слова, а также снятия омонимии).

В процессе отбора материала было обнаружено, что показателями парадоксальности на лексическом уровне могут служить такие особенности, как:

– одновременное присутствие в тексте нескольких эмотивов (*Любовь мешая с омерзеньем* (Б. Рыжий); *мы встретим ночь с блаженством и тоской // любовников на тонущем линкоре* (Ю. Мориц).

– наличие антонимов (*Так мы и лечим // посмертным плачем // прижизненную любовь* (Г. Дашевский); *Светлой тоски или темной черво- // точины, жрущей внутри и снаружи?* (Ю. Мориц); *Страсть – вовсе не прообраз адюльтера. // В ней слепота соседствует с прозреньем, // С безмерностью – изысканная мера* (Д. Самойлов));

– лексика со значением совместности, которая может указывать на слияние различных эмотивных смыслов (*Расплывайся в слезах и в бесформенный сплав // превращайся – любви и тоски* (Б. Рыжий); *На физре баскетбольный азарт // сочетался с тоскою, такую тоскою <...>* (Т. Кибиров); *Как усталость умеет любовь с раздраженьем связать // В чудный узел один* (А. Кушнер));

– лексика внешнего проявления эмоций и их внутреннего переживания (*Я так скажу: жестокий жизнь сюжет // и горестный, – живи, рыдай на радость. // Я грустно-счастлив, это смехо-плач* (В. Соснора); *И ты поморщился от счастья* (Б. Рыжий); *нет сладости без горьких слез* (Е. Сабуров)).

На уровне синтаксиса можно выделить следующие особенности, характерные для парадоксальных высказываний:

– Синтаксический параллелизм: *Смертная скука! бессмертная скука!* (О. Юрьев); *Но лицо мое расколосось // От ярости на куски. <...> Но лицо мое расколосось // От радости на куски* (Ю. Мориц); *Стали светом бывшие печали. // Стали слезы бывшие теплом* (О. Охупкин); *Себя до ненависти любим // И ненавидим до любви...* (И. Лисянская).

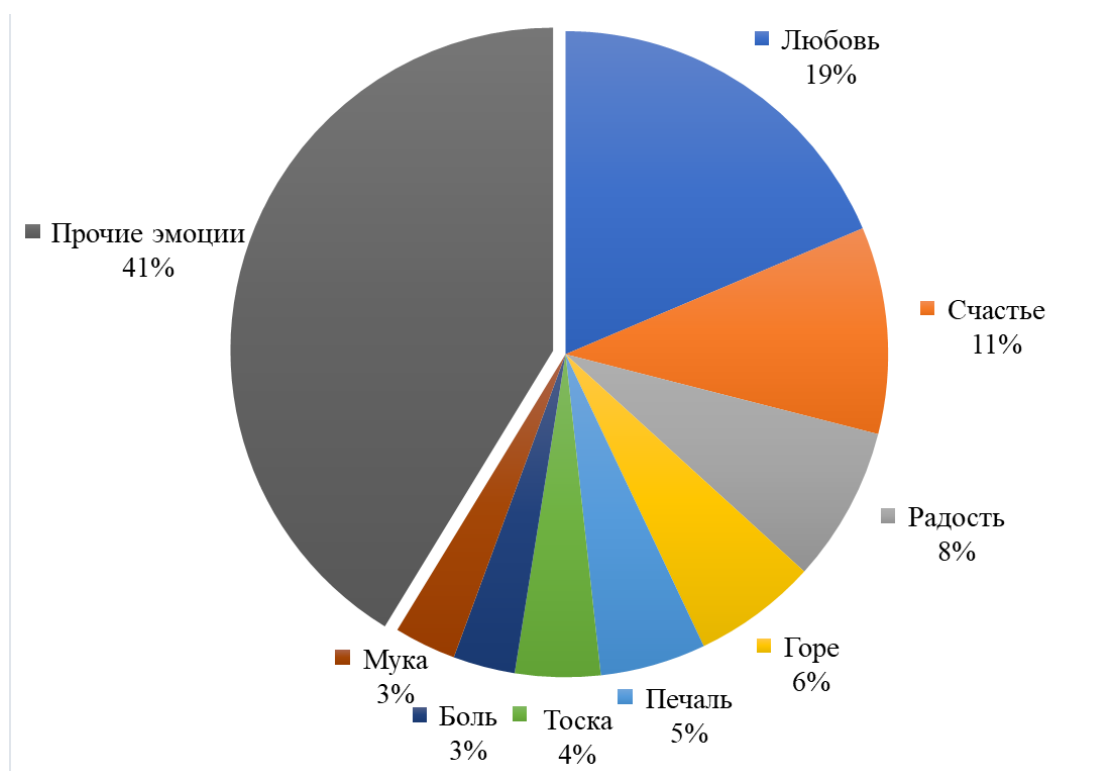
– Риторические вопросы (*Любовь то вознесет, раскинувши крыла, // то сгубит ни за грош, а что с нее возьмешь?* (Б. Окуджава)) и восклицательные предложения (*О какая радость! Какая боль!* (Ю. Кублановский); *да и что за радость // без капли грусти!* (Г. Сапгир)).

Параграф 2.2. «Статистический анализ частотности использования эмотивов-номинативов в парадоксальных сочетаниях» посвящен количественному анализу эмотивов, представленных в отобранном материале. В 507 фрагментах поэтических текстов было обнаружено 773 эмотива-номинатива, включенных в парадоксальные высказывания. Количество обнаруженных эмотивов превосходит количество анализируемых контекстов,

поскольку в рамках одного текстового фрагмента возможно присутствие нескольких различных эмотивов. При этом восемь наиболее частотных эмотивов-номинативов в совокупности составляют 59% от их общего числа, тогда как все остальные – 41%:

Рисунок 1

Распределение эмотивов-номинативов в парадоксальных контекстах

Наиболее частотные эмотивы, обнаруживающиеся в парадоксальных поэтических высказываниях, называют эмоции, относящиеся к разряду базовых, тогда как комплексные эмоции встречаются значительно реже. Это может быть обусловлено как более низкой встречаемостью таких эмотивов в целом, так и сложной внутренней структурой называемых ими эмоций, которые совмещают в себе несколько переживаний, тогда как базовые эмоции такой структурой не обладают, и потому их конкретизация и индивидуализация могут достигаться за счет обращения к стратегии парадоксальности. Наиболее частотная эмоция, получающая парадоксальное осмысление в поэтической речи, – это любовь. Это объясняется, с одной стороны, значимостью любви в аксиологической системе человека, что проявляется в активном обращении к изображению данной эмоции в поэтической речи. С другой стороны, частотность соответствующего эмотива в парадоксальных сочетаниях обусловлена двойственным характером любви, возможностью совмещения в ней как положительных, так и отрицательных переживаний: «Это чувство может быть как легким и кратким, светлым, доставляющим счастье и радость, так и чрезвычайно сильным, глубоко

захватывающим душу и сердце человека, мучительным и долгим» [Бабенко, 2021, с. 97].

Всего в анализируемом материале был выделен 381 контекст парадоксальной репрезентации положительных эмоций (причем из них 144 случая приходятся на слово *любовь*), 354 контекста, включающих отрицательно окрашенные эмоции, а также 38 «затруднительных» случаев, где оценочная квалификация эмоции не может быть определена однозначно. Можно также отметить, что отрицательные эмоции более дифференцированы (*горе, печаль, тоска, боль, мука*), тогда как положительные характеризуются меньшим разнообразием лексических репрезентаций (*любовь, счастье, радость*). Таким образом, соотношение положительных и отрицательных эмоций, получающих парадоксальную репрезентацию в поэтической речи, можно считать симметричным.

Параграф 2.3. **«Семантическое противоречие как основа парадоксального высказывания»** состоит из двух подпараграфов.

В подпараграфе 2.3.1. **«Семантическое противоречие в синтагмах различного уровня»** рассматриваются парадоксы, обнаруживающиеся на различных уровнях – от слова до целого текста. Чаще всего подобные синтагмы обнаруживаются на уровне словосочетания и/или предложения (*как тягостно в радости, весело в горе* у С. Кековой). В то же время возможны иные, более редкие варианты – случаи, когда парадокс обнаруживается в рамках одного слова (например, композит *горе-отрада* у В. Блаженного) или целого текста (например, «Игра в бисер» Г. Сапгира, где на протяжении всего стихотворения устанавливаются нестандартные отношения между различными эмоциями).

В подпараграфе 2.2.2. **«Реализация логико-семантических отношений в парадоксальных синтагмах»** рассматриваются отношения тождества и противоположности, которые оказываются наиболее значимыми для парадоксальных высказываний. Отношения противоположности лежат в самой основе парадокса, поскольку он предполагает наличие противоречия, а значит, составляющие его компоненты должны быть так или иначе противопоставлены друг другу. Отношения тождества в рамках парадоксальных высказываний оказываются тесно связаны с отношениями противоположности, поскольку в парадоксе эти отношения нередко устанавливаются между оппозитивными явлениями, в частности, между противоположными эмоциями. Так, например, в стихотворении Е. Евтушенко устанавливается тождество счастья и страдания:

*А что такое счастье вообще?
Страдание, которое устало.*

Параграф 2.4. «**Моделирование парадоксальных сочетаний с эмотивной семантикой**» посвящен выявлению моделей парадоксальных высказываний, характерных для поэзии конца XX – начала XXI века. Так, были выделены следующие модели на различных уровнях поэтической речи:

На уровне словосочетания:

а. Имя существительное + имя прилагательное:

адъективная конструкция N + Adj: *счастье слезное* (Е. Шварц); *злая радость* (Е. Сабуров); *кислая любовь* (Г. Сапгир); *в тягостном веселье* (А. Еременко); *горькое блаженство* (Б. Окуджава). В конструкциях такого типа может обнаруживаться как совмещение противоположных эмоций, так и приписывание эмоции нехарактерного для нее признака, в том числе метафорического.

б. Имя существительное + имя существительное:

субстантивно-конъюнктивная конструкция N + N: *то ли в радости скалится, то ли в тоске* (Б. Кенжеев); *мы встретим ночь с блаженством и тоской* (Ю. Мориц). В случае использования подобной конструкции происходит парадоксальное совмещение противоположных эмоций, которые либо объединяются в переживание комплексного характера, либо оказываются схожими или даже тождественными за счет какого-либо общего признака – например, внешнего проявления, источника эмоций или их воздействия на человека.

генитивная конструкция N + N₂: *стонов радости* (Г. Сапгир); *счастье горя* (Е. Сабуров); *равнодушие отчаяния* (Н. Коржавин); *блаженство исполненной муки* (В. Блаженный). В данной конструкции обнаруживается совмещение противоположных эмоций, одна из эмоций чаще всего оказывается источником другой, противопоставленной ей с точки зрения оценочного знака.

аблативная конструкция N + с + N₃: *радость с горем пополам* (И. Лисянская); *Любовь мешая с омерзеньем* (Б. Рыжий); *Эту радость с тоской пополам* (А. Кушнер). В парадоксах такого вида происходит интеграция различных эмоций в комплексное, внутренне противоречивое переживание.

На уровне предложения парадоксы обычно функционируют как высказывания афористического типа, которые могут быть достаточно разнообразны по своей структуре, так что рассмотрим лишь некоторые из моделей подобных высказываний:

с. Предикативная конструкция N₁Сop_fAdj_f: *И беспокоен мой покой* (Б. Рыжий); *В этот темнеющий год // даже надежды темны* (М. Айзенберг); *ты мне грустна сегодня, птичья радость* (Б. Ахмадулина). В таких конструкциях предикат характеризует эмоцию парадоксальным образом, приписывая ей противоречащий ее сути признак.

d. Предикативная конструкция $N_1\text{Cor}_fN_1$: *Боль обоймет, процарствует, отпустит* – // *боль есть любовь* (Б. Кенжеев); *Что даже человеческое горе // Есть праздник жизни, признак бытия* (С. Липкин); *Да и счастье – не счастье, и долго // Продолжаться не может оно* (Н. Глазков). В случае использования такой конструкции обычно утверждается тождество противоположных эмоций либо, напротив, эмоция оказывается не тождественна самой себе.

e. Безличная конструкция Cor_fAdj_f : *И радости не рад, и жалости не жалко* (С. Гандлевский); *как тягостно в радости, весело в горе* (С. Кекова). Подобные конструкции обнаруживаются, когда влияние эмоции на человека приобретает парадоксальный характер, вызывая у него эмоциональное состояние, противопоставленное данной эмоции с точки зрения оценочного знака.

f. Полипредикативные конструкции местоименно-соотносительного типа: *чем выше музыка любви, // тем громче музыка печали, // чем громче музыка печали, // тем чище музыка любви* (Б. Окуджава); *Чем горше кручины // Тем слаще житье* (И. Лисянская); *Надежда там, где безнадежность* (А. Миронов), в которых устанавливается соответствие между противоположными эмоциями.

Третья глава **«МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ»** посвящена выявлению и анализу механизмов, реализующих стратегию парадоксальности при репрезентации эмоций в поэтической речи. Каждой из выявленных стратегий посвящен отдельный параграф.

Параграф 3.1. **«Парадоксальная характеристика при репрезентации эмоций в поэтической речи»** посвящен анализу контекстов, где парадоксальное переосмысление эмоции связано с приписыванием эмоции нестандартной характеристики.

В подпараграфе 3.1.1. **«Нестандартные эпитеты как проявление парадоксальной характеристики эмоций»** рассмотрены случаи характеристики эмоции с помощью эпитета, в которых эта характеристика может противоречить самой сути эмоции, ее базовым когнитивным признакам. Чаще всего подобные парадоксальные синтагмы строятся по модели адъективного словосочетания $N\text{Adj}$. Парадоксы такого рода можно сгруппировать в зависимости от характера эпитета:

– вкусовые ощущения: *сладкий ужас* (Ю. Мориц), *сладкая грусть* (Б. Ахмадулина), *сладкий испуг* (Д. Новиков), *мука сладкая* (Е. Шварц), *сладкая тревога* (А. Вознесенский), *сладкое отчаяние* (А. Баркова) и др.;

– цветовые характеристики: *бледно-черная любовь* (Е. Рейн), *темное веселье* (Ф. Искандер), *злость золотая* (Б. Рыжий) и др.;

– эмоциональное качество и внешнее проявление эмоций: *жизнерадостная злоба* (Ю. Мориц), *ласковый страх* (В. Блаженный), *счастье слезное* (Е. Шварц);

– температурные характеристики: *холодные страсти* (Н. Коржавин), *ледяное любопытство* (А. Межиров) и др.

В подпараграфе 3.1.2. «**Нестандартный источник эмоции как проявление ее парадоксальной репрезентации**» рассмотрены случаи, когда парадоксальность обнаруживается в несовпадении оценочных знаков эмоции и ее источника, например, когда источником положительной эмоции оказывается нечто негативное и наоборот (*О, значит, радость есть во зле!* (Ю. Кузнецов)), то есть нестандартная эмоциональная реакция на что-либо (*Но, боже мой, какое это счастье – Давать себя обманывать!* (Ю. Мориц)), а также случаи, когда противоположные явления вызывают одну и ту же эмоцию (*Так бубнит в ночи застарелый страх (то ли смерти страх, то ли жизни страх)* (Т. Кибиров).

В подпараграфе 3.1.3. «**Нестандартное внешнее выражение эмоции как проявление ее парадоксальной репрезентации**» рассматриваются контексты, в которых эмоции и их внешнее проявление оказываются противопоставлены. Парадоксальность обнаруживается в том случае, если эмоция сопровождается нехарактерным для нее внешним проявлением – таким, которое скорее соответствует переживанию оппозитивного характера, например: *И ты поморщился от счастья* (Б. Рыжий). При этом нестандартное внешнее проявление может служить основанием для сближения противоположных эмоций. Такое сближение наблюдается в стихотворении Б. Ахмадулиной, где оппозитивные переживания, сопровождаемые нестандартными для них проявлениями, оказываются схожими вплоть до неразличимости:

*Пусть возликует, множась, ширясь,
во дне, а день едва почат,
то ли печальных уст смешиливость,
то ль уст смеющихся печаль.*

(Б. Ахмадулина)

В подпараграфе 3.1.4. «**Нестандартная модальная интерпретация эмоций в аспекте парадоксальности**» рассматриваются случаи парадоксальной оценочной квалификации эмоций, а также их характеристики в аспекте желательности / нежелательности. С точки зрения парадоксальности нам интересны два вида случаев, где оценочная квалификация эмоций приобретает парадоксальный характер: это те контексты, в которых приписываемая эмоции оценочная характеристика противоречит представлению о ней в языковой картине мира, и те, в которых такая характеристика оказывается двойкой, неоднозначной. Так, например, в стихотворении С. Кековой любовь

приобретает парадоксальный характер за счет совмещения оппозитивных оценочных смыслов:

*Прими, как дар, любви ужасной бремя,
в кладбищенских деревьях заблудись,
и в зеркало бегущее глядись –
поверх могил вода течет, как время.*

(С. Кекова)

Любовь здесь, с одной стороны, характеризуется как *ужасная*, а ее переживание осмысливается как *бремя*; с другой стороны, оказывается возможным принять ее *как дар*, что предполагает скорее положительную ее характеристику. Тем не менее в целом стихотворение тяготеет к отрицательной оценочной интерпретации любви, приобретающей губительный характер, на что может указывать следующее за строчкой *Прими, как дар, любви ужасной бремя* высказывание с побудительной семантикой (*в кладбищенских деревьях заблудись*).

Параграф 3.2. «Совмещение противоположных эмоций как механизм их парадоксальной репрезентации» посвящен случаям интеграции оппозитивных эмоций в поэтической речи и включает в себя два подпараграфа.

В подпараграфе 3.2.1. «Модели совмещения противоположных эмоций» на материале высказываний, в которых обнаруживается совмещение противоположных эмоций, выявляются некоторые модели парадоксальных сочетаний. Чаще всего они включают в себя два элемента, то есть две эмоции, которые могут быть как равноправными, так и выступать как главная и второстепенная. Так, были выявлены следующие модели:

– субстантивно-конъюнктивная конструкция, построенная по модели NN (*темно-синей смеси любви и горя* (Б. Кенжеев); *Здесь блеск и ужас и восторг и мрак* (Г. Сапгир); *безразлично в ненависти в любви там* (Б. Кенжеев));

– адъективная конструкция NAdj (*в тоске веселой* (И. Жданов); *нежная злоба* (Н. Горбаневская); *равнодушное любопытство* (Н. Байтов));

– генитивная конструкция NN2 (*Смертельной скуки счастья* (А. Межиров); *Лоб чтенъе претерпел с восторгом отвращенья* (Б. Ахмадулина), *И равнодушие отчаянья // Гнетет* (Н. Коржавин));

– аблативная конструкция NN5 (*То это радость с горем пополам* (И. Лисянская); *Как усталость умеет любовь с раздраженьем связать* (А. Кушнер)).

В подпараграфе 3.2.2. «Механизм ментальной интеграции как основа совмещений противоположных эмоций» интерпретация парадоксальных высказываний и разрешение лежащих в их основе противоречий осуществляется с опорой на механизм концептуальной интеграции. Появление парадоксального

противоречия в поэтическом тексте связывается с механизмом ментальной интеграции в том случае, если результатом соединения двух и более эмоций, так или иначе противопоставленных друг другу, оказывается переживание комплексного характера. Результатом могут служить комплексные эмотивные концепты, в которых обнаруживается слияние различных внутренних переживаний, обычно противопоставленных с точки зрения оценочного знака.

Следует отметить, что довольно часто в результате концептуальной интеграции оппозиционность эмоций в значительной степени смягчается, и в то же время актуализируется их сходство, подчеркиваются их интегрирующие признаки. Так, например, восторг и ужас напрямую не противопоставлены, поскольку у этих эмоций есть как дифференциальные когнитивные признаки (а именно оценочная интерпретация), так и интегральные (в частности, высокая степень интенсивности чувства). За счет наличия общих семантических компонентов соединение этих эмоций в однородном ряду выглядит закономерным и потому встречается достаточно часто: *Здесь блеск и ужас и восторг и мрак* (Г. Сапгир); *Восторг и ужас – вот что в сердце билось* (М. Вега); *От восторга немея и ужаса* (А. Баркова). Результатом их синтеза становится комплексное чувство крайне высокой интенсивности, настолько сильное, что сложно определить, чего в нем больше – страха или восхищения.

В параграфе 3.3. «**Парадоксальная реализация метафорических моделей в поэтической речи**» рассматриваются метафоры, приобретающие в поэтической речи парадоксальный характер, то есть те, в которых метафорический образ эмоции будет отличаться от общепринятого. Параграф включает в себя шесть подпараграфов, каждый из которых посвящен определенной метафорической модели.

В подпараграфе 3.3.1. «**Метафорическая модель “живое существо – эмоция”**» рассматривается соответствующая модель метафорического переноса и особенности ее реализации в поэтическом дискурсе. Отмечается, что в первую очередь метафорический перенос основывается на приписывании эмоциям телесных характеристик, а также способности к действиям и состояниям, характерным для живых существ. Так, в стихотворении С. Кековой метафорический перенос строится на основе сходства поведения живого существа и воздействия эмоции на человека:

*Купец торгует, рыба воду пьет,
и вьет любовь (так птица гнезда вьет)
из наших душ пеньковые веревки.*
(С. Кекова)

Подпараграф 3.3.2. «**Метафорическая модель “человек – эмоция”**» посвящен антропоморфной метафоре. Если в случае использования модели

«живое существо – эмоция» перенос обычно строится на приписывании эмоции такой категории, как телесность, то в случае персонификации эмоций им приписываются действия и качества, характерные исключительно для человека, нередко обусловленные окружающей его социально-культурной действительностью. Необычный персонифицированный образ горя обнаруживается в стихотворении Г. Дашевского: его можно заключить в объятия, оно может быть субъектом эмоций и проявлять их (*рыданью твоему вторю*):

*Счастлив говорящий своему горю,
раскрывая издалика объятия:
подойди ко мне, мы с тобою братья,
радостно рыданью твоему вторю*
(Г. Дашевский)

Парадоксальность данного высказывания заключается в том, что человек, испытывающий горе, может быть *счастлив* и способен *радостно* вторить рыданиям. Здесь, таким образом, обнаруживается совмещение положительных и отрицательных эмоций, можно также говорить о нестандартном источнике эмоции, поскольку счастливым человека делает именно горе, а точнее, способность прожить и пережить это горе.

В рамках подпараграфа 3.3.3. «**Метафорическая модель “вещество – эмоция”**» рассмотрены более частные варианты данной модели в зависимости от «агрегатного состояния» эмоции: эмоция как жидкость, эмоция как твердое или сыпучее вещество, эмоция как нечто газообразное. В качестве примера приведем стихотворение Е. Шварц, в котором метафорическому представлению об эмоции как о жидкости сопутствует совмещение противоположных эмоций, а также их нестандартная характеристика:

*Боже,
Ты влил мне в душу
едкую радость
и тоску без предела,...*
(Е. Шварц)

Образ эмоций как жидкости создается за счет предиката *вливать*, а душа при этом выступает в роли некоего сосуда, вместительницы эмоций. Кроме того, данный предикат указывает на одновременное присутствие в душе двух оппозитивных эмоций – радости и тоски. Радость при этом характеризуется с помощью эпитета *едкая*, который больше характерен для отрицательных эмоций. Соответственно, радость здесь получает нестандартную оценочную интерпретацию, поскольку предстает как не вполне положительное

переживание, в связи с чем комплексная эмоция, оказывающаяся результатом слияния радости и тоски, стремится скорее к негативному спектру.

Подпараграф 3.3.4. «**Метафорическая модель “пространство – эмоция”**» посвящен пространственной метафоре. Отмечается, что метафоры, построенные по модели «пространство – эмоция», крайне неоднородны: они отличаются характером пространства, которое может быть открытым и закрытым, абстрактным и конкретным, естественным и рукотворным. Признаки, характерные для пространства как метафорического образа эмоции отражают авторское представление об этой эмоции, соответственно, такая метафора в значительной степени индивидуализирована. Подобная метафора обнаруживается в следующем стихотворении Н. Байтова:

*Ты – та, в которой высыхает
болотце клюковой любви.
(Н. Байтов)*

Метафора «пространство – эмоция» в данном стихотворении реализуется путем осмысления такой эмоции, как любовь, через образ болота. Здесь содержится нестандартное представление о любви: обычно любовь считается положительной эмоцией, а *болотце* оценивается отрицательно. Кроме того, это чувство обычно характеризуется как безграничное и бескрайнее, а здесь оно предстает как ограниченное пространство, размеры которого невелики, на что указывает диминутив, и постоянно уменьшаются. В связи с этим актуализируется процессуальность: постепенное угасание чувства метафорически описывается как высыхание болотца. Эпитет *клюковой любви*, поддерживающий метафору любви как болота, тоже является довольно нестандартным. Трудно определить, какая черта послужила основанием для сближения *любви* и *клюквы*: это может быть как красный цвет, что вполне соответствует традиционному представлению о любви, так и кислый вкус, и в таком случае здесь обнаруживается нестандартная оценка эмоции.

Параграф 3.3.5. «**Метафорическая модель “предмет – эмоция”**» посвящен метафорам, основанным на создании образа эмоции как определенного предмета. Метафорический образ эмоции может представлять как нечто максимально конкретное, например, яблоко, трость, гроб, лимон, либо как предмет вообще – как нечто, обладающее физическими характеристиками (размер, объем, вес и т. д.) и иными признаками, которые могут быть восприняты с помощью органов чувств (запах, вкус, цвет и др.). Так, в стихотворении О. Седаковой обида предстает в метафорическом образе гнезда:

*так и ты, мое сердце,
в гнезде – обиде
сыто, согрето, утешено,*

*сти себе, почивай,
никого не слушай:*
(О. Седакова)

В стихотворении обнаруживается метафора контейнера, причем в нестандартном ее проявлении: обычно считается, что сердце – это вместилище чувств (ср., например: *в сердце поселилась обида*), здесь же, напротив, эмоция оказывается вместилищем для сердца. Также здесь обнаруживается парадоксальный взгляд на обиду: она предстает не как неприятное чувство, не дающее человеку покоя, а, напротив, несет ему утешение.

Параграф 3.3.6. «**Прочие метафорические модели**» посвящен менее частотным, но в то же время достаточно характерным для поэтического дискурса моделям. Одна из таких распространенных моделей – модель «болезнь – эмоция», причем в качестве мишени такой метафоры чаще выступают эмоции, которые обычно интерпретируются как отрицательные (скука, тоска и др.), а также любовь, например:

*очевидно есть причина
вечность прочная одна
что любовь неизлечима
до финального одра*
(А. Цветков)

Любовь в данном стихотворении предстает как болезнь, причем *неизлечимая*, преследующая человека вплоть до *финального одра* и, соответственно, потенциально опасная; при этом можно отметить, что стойкость чувств, которая подчеркивается за счет использования лексем *вечность* и *прочная*, воспринимается скорее положительно.

В **Заключении** приводятся выводы, сделанные по итогам исследования, и рассматриваются его основные перспективы.

Парадоксальность активно используется в поэтической речи при репрезентации комплексных, нестандартных эмоций, что позволяет рассматривать ее как особую когнитивную стратегию. Парадоксальный характер репрезентации эмоций обусловлен в первую очередь особенностями внутренней жизни человека, не всегда и не в полной мере поддающейся традиционной вербализации, а также индивидуальным эмоциональным опытом авторов поэтических текстов. Таким образом, парадоксальная репрезентация эмоций в поэтической речи представляет собой особый интерес как результат интерпретации автором эмоционального мира человека и в то же время является специфическим форматом выражения знаний о нем. Анализ случаев парадоксальной репрезентации эмоций в поэтической речи позволил выявить три основных ее механизма: парадоксальная характеристика эмоций,

совмещение противоположных эмоций, а также парадоксальная реализация метафорической модели.

Если говорить о перспективах исследования, то наиболее очевидным вариантом является расширение материала за счет изменения хронологических рамок и обращения к парадоксальным высказываниям, обнаруживающимся в стихотворениях Серебряного и Золотого века, для установления универсальности рассматриваемого феномена. Перспективы исследования могут также заключаться в разработке более частных вопросов, требующих глубокого изучения. К таким вопросам относится изучение проблемы парадоксальности в идиостилистическом ракурсе, в частности подробный анализ особенностей функционирования парадоксов в текстах отдельных авторов (например, М. Айзенберга, Б. Кенжеева, С. Кековой, Б. Рыжего и др.). Еще один возможный вариант дальнейшей разработки темы – создание подробной многоаспектной типологии парадоксальных высказываний (возможно, на материале творчества отдельного автора). Также интересным оказывается вопрос о стратегиях разрешения парадокса, обнаруживающегося в поэтической речи, в том числе изучение особенностей интерпретации парадокса читателем за счет привлечения экспериментальных методов исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах в изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Бабенко Л. Г., Степанова А. Н. Парадокс как способ познания мира и выражения новых знаний о нем (на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка) // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46) – С. 22–26. (0,3 п.л. / 0,15 п.л.)
2. Степанова А. Н. Парадоксальные высказывания в поэтической речи в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3(54). – С. 769–773. (0,25 п.л.)
3. Степанова А. Н. Лексикографическая интерпретация лексики внешнего проявления эмоций (на материале идеографических словарей русского языка) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2024. – №3. – С. 85–90. (0,7 п.л.) К2

Другие публикации:

4. Степанова А. Н. Модель метафорического переноса «человек – психический мир» как способ репрезентации эмоций (на материале поэтического подкорпуса НКРЯ) // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент: материалы международной студенческой конференции 26–28 марта 2020 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 522–524. (0,1 п.л.)

5. Степанова А. Н. Парадоксальная синтагматика лексики эмоциональной сферы в конструкциях с однородными членами предложения // Наука. Технологии. Инновации / Сборник научных трудов в 9 ч. Ч. 8. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. – С. 485–489. (0,2 п.л.)

6. Степанова А. Н. Парадокс как способ совмещения противоположных эмоций в современной поэтической речи (на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка) // Terra Rusistica: Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов 17–19 декабря 2020 г. – Псков: Псковский государственный университет, 2021. – С. 327–331. (0,3 п.л.)

7. Степанова А. Н. Метафорическая модель «пространство – эмоция» в современной поэтической речи // Язык. Культура. Личность. Выпуск 7: материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых (Самара, 18 декабря 2020 г.). – Электрон. текст. дан. – Самара, ООО «Научно-технический центр», 2021. – С. 160–166. (0,36 п.л.)

8. Степанова А. Н. Парадоксальность репрезентации эмоций как черта идиостиля М. Айзенберга // Актуальные проблемы филологии. – 2021. – № 22. – С. 387–392. (0,26 п.л.)

9. Степанова А. Н. Парадоксальность парадигматических отношений эмотивной лексики (на материале лексем «любовь» и «нелюбовь») // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 16 декабря 2022 г.). – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. – С. 337–342. (0,25 п.л.)

10. Степанова А. Н. Парадоксальная репрезентация счастья в конструкциях со значением тождества (на материале поэтического корпуса) // Язык. Культура. Личность. Материалы Язык. Культура. Личность. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. – Самара, ООО «Научно-технический центр», 2022. – С. 58–63. (0,25 п.л.)

11. Степанова А. Н. Парадоксальная характеристика эмоций в поэтической речи (на материале поэтического корпуса НКРЯ) // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – Т. 1. – С. 372–376. (0,23 п.л.)